Региональная экономика

Стратегия развития Северного Кавказа: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ

Ирина Викторовна Стародубровская*ORCID: 0000-0002-7073-5905*

Кандидат экономических наук, руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (РФ, 125009, Москва, Газетный пер., 3–5); ведущий научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований, РАНХиГС (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82).

E-mail: irinavstar@gmail.com

Даниил Андреевич Ситкевич*ORCID: 0000-0002-6498-1747*

Кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований, РАНХиГС (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82); научный сотрудник Лаборатории институционального анализа экономического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (РФ, 119234, Москва, ул. Ленинские Горы, 1/46).

E-mail: dasitkevich@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена применимости на Северном Кавказе различных подходов к стимулированию догоняющего развития. В работе выделяются два подобных подхода: «модернизация сверху», опирающаяся на государственные вложения и господдержку крупных частных инвестиций, и «модернизация снизу», где основным драйвером выступает местный бизнес, а государство создает условия и ликвидирует барьеры на пути его успешного развития. «Модернизация сверху», продемонстрировавшая свой потенциал в индустриальную эпоху, в современных условиях дает всё более серьезные сбои, поскольку формирует искаженную мотивацию у всех участников процесса: федеральных и региональных государственных органов, институтов развития, инвесторов, органов МСУ и населения. Это подтверждается неудовлетворительными результатами реализации Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года. Однако неэффективность «модернизации сверху» не означает, что в регионе реализуема модель «модернизации снизу». Проведенное нами количественное и качественное исследование показало, что на Северном Кавказе есть определенные предпосылки для успеха «модернизации снизу»: положительное отношение респондентов к предпринимательству и его поддержке государством, готовность местного населения заниматься бизнесом, потенциал открытого социального капитала. При этом существующие барьеры, связанные прежде всего с недостатком человеческого капитала и низким качеством институциональной среды, могут воспрепятствовать успеху любой политики догоняющего развития. Поэтому обновленная стратегия развития Северного Кавказа должна не только быть нацелена на поддержку местного бизнеса, но и включать меры по улучшению качества высшего образования в регионе, а также наряду с политикой улучшения инвестиционного климата содержать инструменты «выкупа» административных барьеров.

Ключевые слова: модернизация, догоняющее развитие, экономическая политика, стратегия, социологические исследования.

JEL: L52, O25, R58.

Статья выполнена в рамках государственного задания ИЭП 2022 года.

Статья поступила в редакцию в январе 2022 года

Regional Economics

Development Strategy of the North Caucasus: Main Challenges

Irina V. Starodubrovskaya

ORCID: 0000-0002-7073-5905

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy^a; Senior Researcher, Center for Regional Research and Urbanism, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration^b, irinavstar@gmail.com

Daniil A. Sitkievich

ORCID: 0000-0002-6498-1747

Cand. Sci. (Econ.), Researcher, Center for Regional Research and Urbanism, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration^b; Researcher, Laboratory of Institutional Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University^c, dasitkievich@gmail.com

^a 3–5, Gazetnyy per., Moscow, 125009, Russian Federation

^b 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

^c 1–46, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the applicability in the North Caucasus of various approaches to stimulating catch-up development. The paper highlights two similar approaches: “modernization from above,” based on public investments and state support of large private investments, and “modernization from below,” where the main driver is local business whereas the state creates conditions and eliminates barriers to its successful development. “Modernization from above,” which demonstrated its potential in the industrial era, has been seeing more and more serious failures in modern conditions, since it forms a distorted motivation among all participants in the process—federal and regional state bodies, development institutions, investors, local bodies and the population. This is confirmed by the unsatisfactory results of the implementation of the North Caucasus Development Strategy until 2025, based on this model. However, the inefficiency of “modernization from above” does not mean that a model of “modernization from below” may be implemented in the region. Our quantitative and qualitative research has shown that there are certain prerequisites for the success of “modernization from below” in the North Caucasus: a positive attitude of respondents towards entrepreneurship and its support by the state; the willingness of the local population to do business; and the potential of open social capital. At the same time, existing barriers, primarily related to the lack of human capital and the poor quality of the institutional environment, can hinder the success of any catch-up development policy. Therefore, the updated strategy for the development of the North Caucasus should not only be aimed at supporting local businesses, but also include measures to improve the quality of higher education in the region, as well as, along with the policy of improving the investment climate, contain tools to “buy out” administrative barriers.

Keywords: modernization, catch-up development, economic policy, strategy, sociological studies.

JEL: L52, O25, R58.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the IEP state assignment research program in 2022.

Article submitted January 2022

1. Альтернативы догоняющего развития

В журнале «Экономическая политика» (2021, № 3) была опубликована статья «Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров» [Стародубровская и др., 2021]. В ней наша исследовательская команда попыталась обосновать идею о том, что провал реализации Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года обусловлен не частными ошибками в показателях результативности или системе управления в рамках институтов развития, а тем, что с самого начала была выбрана не подходящая для сложившихся условий модель догоняющего развития. В статье анализировались два подхода, которые могут использоваться для решения стоящих перед регионом задач: «модернизация сверху» и «модернизация снизу».

«Модернизация сверху» — это модель, базирующаяся на том, что на территории нет внутренних источников догоняющего развития и такие источники необходимо привлекать извне. В подобном качестве могут выступать либо государственные инвестиции, либо частные вложения, приток которых на территорию, в целом не привлекательную для бизнеса, стимулируется государством, а скорее всего, сочетание того и другого. Однако в любом случае государство в рамках подобной модели является ключевым игроком, определяющим приоритеты, механизмы и институты, обеспечивающие догоняющее развитие.

Альтернативная модель «модернизации снизу» опирается прежде всего на внутренние ресурсы той или иной территории, на работающий здесь бизнес, генерируемые им предпринимательские проекты. Именно этот бизнес оказывается ключевым драйвером догоняющего развития. Однако подобный подход не означает, что государство полностью исключается из процесса модернизации. Его роль по-прежнему велика, однако оно выполняет совершенно иные функции: прежде всего, создает условия для развития местного бизнеса и ликвидирует барьеры на пути его эффективного функционирования и роста. Конкретные меры, принимаемые государством в рамках «модернизации снизу», варьируются в достаточно широких пределах и зависят от проблем, с которыми сталкивается бизнес в тех или иных условиях. Это могут быть действия по снижению административных барьеров [Morisset, Lumenga-Neso, 2002], поддержка кооперации [Varca, 2001], обновление инфраструктуры и инвестиции в человеческий капитал [Lin, 2012], активная политика продвижения экспорта [Etzkowitz, Brisolla, 1999] и т. п.

Считается, что «модернизация сверху» достаточно успешно решала задачи догоняющего развития в индустриальную эпоху, ког-

да базой экономического роста являлись крупные предприятия, а иерархические механизмы управления обеспечивали высокую эффективность [Allen, 2003]. С усложнением экономических взаимосвязей, индивидуализацией продуктов, снижением эффекта экономии на масштабе, повышением роли человеческого капитала она стала давать всё более очевидные сбои [Maio, 2009].

Что касается «модернизации снизу», источником ее конкурентоспособности является прежде всего сочетание преимуществ крупного и мелкого производств. С одной стороны, она способна более полно задействовать рыночные стимулы, обеспечивать динамизм и гибкость, а также прямую заинтересованность в успехе предпринимательских проектов со стороны бизнеса. С другой — формирующиеся предпринимательские сети позволяют при необходимости использовать преимущества разделения труда, а также реализовывать эффекты экономии на масштабе при осуществлении закупок или сбыте [Ménard, 2004]¹.

Подобная классификация, напрашивающаяся исходя из специфики индустриальной и постиндустриальной эпох, а также международного опыта догоняющего развития, тем не менее до конца не концептуализирована. Представление о существовании множества модернов и праве социума принимать модерн на своих условиях, исходя из культурной специфики, в теориях модернизации [Eisenstadt, 1999; Gaonkar, 2001], а также анализ порядков открытого и ограниченного доступа в институциональной теории, демонстрирующий зависимость институциональной структуры общества от распределения насилия в его рамках [North, 1989], неизбежно приводят к выводу об ограниченности традиционных моделей догоняющего развития, основанных на «модернизации сверху». Однако до сих пор подобные выводы сделаны не были.

Один из немногих примеров использования соответствующего концептуального подхода и аналогичной терминологии можно найти в работах Евгения Ясина и Александра Яковлева. Так, Ясин в 2001 году говорил о двух путях модернизации, где «модернизация сверху» — «путь усиленного воздействия государственной власти на достижение целей модернизации», а «модернизация снизу» осуществляется «с опорой на частную инициативу и энергию каждого» [Ясин, 2001. С. 166]. В последней модели государство должно создавать условия и институты, способствующие инициативе и самодеятельности. Аналогичная позиция, представленная в работе [Ясин, Яковлев, 2004], близка к изложенной в настоящей статье, хотя имеются некоторые отличия. В частности, мы не

¹ Более подробно о сравнительных преимуществах моделей «модернизации снизу» и «модернизации сверху» в [Стародубровская и др., 2021].

сводим «модернизацию сверху» к мобилизационной экономике, считая, что она вполне может осуществляться на основе частных вложений крупного бизнеса, стимулируемых и поддерживаемых государством. Мы более широко трактуем и роль государства в «модернизации снизу» и исходим из того, что оно должно не только создавать условия, но и снимать барьеры на пути развития бизнеса.

Анализ, проведенный нашей исследовательской командой, показал, что у модели «модернизации сверху» на Северном Кавказе было мало шансов на успех по той причине, что она создавала искаженную мотивацию у всех участников этого процесса.

Государственные структуры, как федеральные, так и региональные, были заинтересованы в максимизации бюджетных средств на реализацию стратегии; тем самым их деятельность характеризовалась гигантоманией и необоснованно оптимистичными оценками результатов предполагаемых вложений². Примером подобных амбиций стали планы по развитию так называемого горнолыжного кластера. Предполагалось практически с нуля построить пять горнолыжных курортов мирового уровня, причем оценки их востребованности так и не были обнародованы, и не очевидно, что существовали вообще. В результате на настоящий момент государственные инвестиции осуществляются лишь в один объект из этой пятерки — Архыз. Фактически он начал строиться еще до принятия Стратегии развития СКФО, и основным драйвером был интерес регионального частного инвестора³.

Анализ реализации стратегии продемонстрировал, что созданные государством институты развития на уровне СКФО не стремились выстраивать эффективное взаимодействие ни с инвесторами, ни с региональными властями, ни с другими важными игроками и во многом работали сами на себя. Выделение им масштабных государственных средств привело к описанному Хабибом Ахмедом и Стефаном Миллером [Ahmed, Miller, 2000] эффекту вытеснения частных инвестиций: вместо привлечения инвесторов институты развития стремились максимизировать государственные вложения, что напрямую противоречило целям стратегии. Причем создать адекватные мотивационные механизмы на этом уровне также достаточно сложно: если поставить объ-

² Перьян А. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка обоснованности и эффективности предоставления в 2016–2018 годах бюджетных ассигнований в уставный капитал акционерного общества “Корпорация развития Северного Кавказа” в целях создания медицинского кластера на территории Кавказских Минеральных Вод и реализации инвестиционных проектов на территории Северо-Кавказского федерального округа» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2019. № 253. С. 170–228. <https://ach.gov.ru/checks/9649>.

³ <https://ach.gov.ru/news/realizatsiya-gosprogramm-na-territorii-severnogo-kavkaza-neobespechila-operezhayushchikh-tempov-raz>.

ем средств, выделяемых институтам развития, в зависимости от результатов их деятельности, от этого будут страдать не сами эти организации, а регионы СКФО, которые недополучат средства господдержки. Последние не имеют никаких рычагов влияния на эффективность функционирующих на уровне федерального округа институтов развития.

Что касается мотивации самих инвесторов, здесь интерес к максимизации государственной поддержки вполне мог перевешивать заинтересованность в эффективности инвестиционного проекта. На практике это приводило к реализации проектов сомнительной результативности, испытывающих серьезные сложности в дальнейшем функционировании и даже прошедших процедуру банкротства. Закономерность подобных результатов отображена в модели Ходлера: в странах с низким качеством институтов аналогичные программы помощи скорее привлекают «охотников на ренту», чем полноценных предпринимателей, так как первые могут предложить бюрократии заведомо лучшие условия [Hodler, 2007].

Если говорить о местных властях и населении, эти субъекты вообще не рассматривались как активные участники модернизационного процесса, он оказывался для них некоей внешней неконтролируемой силой. Это порождало, с одной стороны, пассивность и иждивенчество, а с другой — неприятие перераспределения ресурсов в пользу «чужаков», что вызывало сопротивление и конфликты. Некоторые проекты так и не были реализованы по этой причине, конфликтный потенциал других еще не проявился в полной мере.

Серьезным риском в реализации модели «модернизации сверху» в условиях СКФО является также то, что приходящие извне инвесторы не понимают специфики социокультурной среды, в которой им предстоит действовать. А подобная среда действительно имеет существенные особенности, прежде всего в восточной части СКФО. Для этой территории характерны полиюридизм, а именно действие наряду с российским законодательством альтернативных регуляторов, адата и шариата [Бобровников, 2002; Казенин, 2014], социальная закрытость ряда местных сообществ, большая роль теневой экономики и неформальных отношений в бизнесе. Недоучет соответствующей специфики способен существенно осложнить реализацию инвестиционных проектов и спровоцировать социальную напряженность. Так, протесты против реализации некоторых проектов в рамках стратегии были связаны с тем, что формально свободные ресурсы фактически использовались местным населением в соответствии с традиционными нормами и выделение этих ресурсов инвестору восприни-

малось как экспроприация, ведущая не к ожидаемому улучшению, а к ухудшению положения местных жителей.

Тем не менее, чтобы реально оценить, насколько непреодолимы риски «модернизации сверху», необходим огромный объем информации, предполагающей знание о внутреннем устройстве системы управления на уровне СКФО, перестройке институтов развития, мотивации различных инвесторов и т. п. У авторов настоящей статьи нет доступа к подобной информации за пределами открытых источников, уже проанализированных в предыдущей публикации. Точно так же невозможность обеспечения догоняющего развития на основе «модернизации сверху» еще не означает, что модель «модернизации снизу» реализуема и способна дать положительный эффект. Встает вопрос об исследовательских инструментах, которые могли бы использоваться для прояснения изложенных выше вопросов.

2. Дизайн исследования

На различные модели догоняющего развития можно смотреть не только с позиций управленческих структур или крупных инвесторов. На них можно посмотреть глазами населения или его отдельных групп, сквозь призму отношений и мотиваций людей, так или иначе вовлеченных в процессы модернизации или испытывающих на себе их воздействие. Очевидно, через такую оптику можно оценить не все аспекты перспектив «модернизации сверху» и «модернизации снизу», однако в целом этот подход достаточно информативен.

Исходя из этого для сопоставления различных моделей догоняющего развития были выбраны социологические исследовательские инструменты, причем с целью получения максимально содержательных результатов авторы постарались обеспечить достаточное разнообразие этих инструментов. В 2021 году были проведены три социологических исследования.

1. Телефонный количественный опрос жителей двух северокавказских регионов — Дагестана и Кабардино-Балкарии. Всего были опрошены 1419 респондентов, 814 из Дагестана и 605 — из КБР. Выборка респондентов случайна и близка к репрезентативной, однако для нее характерны некоторые отклонения: несколько больший удельный вес горожан, людей среднего возраста и лиц с высшим образованием, в дагестанской выборке — некоторый сдвиг в сторону мужчин. Впрочем, точность официальных данных, на основе которых определяются характеристики генеральной совокупности, тоже может быть поставлена под сомнение [Зубаревич, 2012].

2. Количественный опрос студентов в трех северокавказских городах: Махачкале (Дагестан), Нальчике (Кабардино-Балкария) и Пятигорске (Ставропольский край). Всего был опрошен 671 респондент, в каждом из городов число участников опроса превышало 200 человек. К итогам исследования необходимо относиться с осторожностью, поскольку его организация осуществлялась административным образом через руководство соответствующих вузов и авторы не могли полностью контролировать случайность выборки. Чтобы убрать возможный эффект от преобладания в выборке перекосов в пользу определенных социальных групп, мы используем анализ на основе многоуровневых регрессий.

3. Качественное исследование, осуществленное в Махачкале, которое включало полуструктурированные глубинные интервью с представителями местного бизнеса из таких сфер, как агросектор, туризм, общественное питание, строительство, реклама, IT. Было проведено также несколько экспертных интервью и интервью с потребителями услуг быстрорастущего на Северном Кавказе туристического сектора; всего проинтервьюированы 23 человека.

Перед социологическими исследованиями ставились следующие задачи.

1. Оценить общие условия для обеспечения успеха догоняющего развития на Северном Кавказе вне зависимости от выбранной модели. Центральным подобным условием является наличие человеческого капитала — одного из ключевых факторов экономического роста [Lucas, 1988], дефицит которого ограничивает возможности любой позитивной динамики. Поэтому оценка потенциала северокавказских регионов в формировании, закреплении и привлечении человеческого капитала была одной из значимых исследовательских задач.

2. В качестве еще одного общего для разных моделей условия можно рассматривать состояние институциональной среды. Известно, что для ее совершенствования на Северном Кавказе предпринимались серьезные усилия. Уничтожено вооруженное подполье, что должно было привести к повышению безопасности жизни и ведения бизнеса, проведено несколько антикоррупционных кампаний, в том числе для улучшения инвестиционного климата в регионе. Для понимания перспектив догоняющего развития важно оценить результаты этих усилий.

3. Определить отношение населения к акторам, обеспечивающим успех «модернизации сверху» и «модернизации снизу». Для «модернизации сверху» это государственные структуры и крупные инвесторы, для «модернизации снизу» — прежде всего местный мелкий и средний бизнес. Как показано выше, даже в условиях «модернизации сверху» восприятие населением предлагаемых

механизмов догоняющего развития важно: негативное отношение провоцирует социальное напряжение и конфликты. Еще более значим этот фактор для «модернизации снизу», где население и его низовые структуры являются важнейшим ресурсом модернизации.

4. Спрогнозировать условия и барьеры для успеха модели «модернизации снизу», а именно желание людей заниматься бизнесом, имеющиеся в регионе объемы социального капитала, а также отношение предпринимателей к различным формам взаимодействия с государством.

Готовность людей заниматься предпринимательской деятельностью принципиально важна, поскольку предпринимательство выступает ключевым драйвером «модернизации снизу». Однако здесь необходимо сделать оговорку. Не весь бизнес, особенно мелкий, готов и способен к развитию. В регионах, подобных Северному Кавказу, немалая часть такого бизнеса — это способ выживания или образ жизни, и в этом случае предприниматели вообще не стремятся к изменениям и даже боятся их. Для успеха «модернизации снизу» важен потенциал предпринимательства, стремящегося к росту и расширению.

Социальный капитал также имеет большое значение для процессов экономического развития. Под этим понятием подразумевается набор социальных связей, социальных норм и доверия между индивидами, которые оказывают влияние на экономическую деятельность [Putnam et al., 1994]. Выделяют два основных типа социального капитала: закрытый, который распространяется лишь на узкий круг людей (друзей, родственников, соседей), и открытый, распространяющийся на людей в целом. Механизмы «модернизации снизу» могут строиться как на закрытом социальном капитале, когда, например, стимулируется развитие кооперации в достаточно традиционных сообществах, где высокое доверие между его членами сопровождается недоверием к чужакам [Boschma, 1999], так и на открытом социальном капитале, когда предпринимательские сети имеют более широкий характер и государство может поддерживать их через создание общей инфраструктуры или другими способами [Dominicis de et al., 2013].

Внимание к готовности предпринимателей выстраивать партнерские отношения с государством, использовать государственную поддержку определяется тем, что, как указывалось, в условиях «модернизации снизу» роль государства изменяется. Исходя из этого важно понять, насколько локальные бизнес-сообщества готовы участвовать в предпринимаемых государством усилиях по стимулированию роста экономики. Поскольку основной задачей

государства становится поддержка внутрирегиональных предпринимательских проектов (прежде всего мелкого и среднего бизнеса) и ликвидация барьеров на пути их осуществления, важно, чтобы представления государственных органов, ответственных за поддержку модернизации, и предпринимательского сектора о приоритетах подобной поддержки совпадали, а также чтобы работали инструменты их согласования.

3. Результаты исследования

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезу о том, что в СКФО есть некоторые предпосылки для опоры на «модернизацию снизу». Это хорошо видно, в частности, при анализе отношения респондентов к акторам, играющим ключевую роль в реализации различных моделей догоняющего развития. Телефонный опрос позволяет сделать определенные выводы в этом отношении.

В целом респонденты позитивно воспринимают государство как агента экономических перемен⁴. Более того, участники опроса удивительно единодушно поддержали тезис, что для успешного развития государство должно строить новые предприятия в регионе (почти 95%). Результат, конечно, удивительный, требующий дополнительных исследований для его объяснения. Вполне возможно, что здесь участники опроса ориентировались на исторический опыт успешной модернизации, а не на оценку текущих условий⁵. Большинство респондентов (около 70%) считают, что разработкой стратегии развития Северного Кавказа должны заниматься государственные органы, а не наука и бизнес.

А вот отношение к крупным инвесторам, как выяснилось, гораздо хуже, чем к предпринимателям в целом. На основе ответов на вопросы анкеты мы стремились понять, насколько в исследуемых регионах распространены негативные стереотипы, связанные с бизнесом. Респондентам было предложено выразить отношение к следующим тезисам: «Большинство предпринимателей в вашем регионе — эгоистичные и нечистоплотные люди» и «Крупные инвесторы заинтересованы только в собственной прибыли, им нет дела до развития региона». Опрос показал, что подобные негативные стереотипы достаточно распространены, но если с первым тезисом оказались согласны около 40% респондентов, то со вторым — более 70% (табл. 1).

⁴ К сожалению, формат телефонного опроса не позволил специфицировать отношение к различным уровням государственной власти и местного самоуправления.

⁵ Необходимо отметить, что в опросе студентов аналогичная позиция оказалась маргинальной, ее поддержали менее 3% опрошенных.

Т а б л и ц а 1

Доля респондентов, согласных с негативными характеристиками бизнеса (%)

T a b l e 1

Share of Respondents Who Agree with the Negative Opinions About Business (%)

Утверждения	Положительные ответы респондентов	
	Дагестан	Кабардино- Балкария
Большинство предпринимателей в вашем регионе — эгоистичные и нечистоплотные люди	38,8	39,7
Крупные инвесторы заинтересованы только в собственной прибыли, им нет дела до развития региона	72,0	71,0

Примечание. Ответы получены в ходе телефонного опроса, проведенного в 2021 году.

Вообще позиция, связывающая экономический успех с развитием именно местного бизнеса, широко распространена. Подавляющее большинство (более 80% опрошенных) согласились с тем, что чем лучше развивается местный бизнес, тем успешнее развитие региона. Более половины респондентов считают, что для успешного развития региона государство прежде всего должно поддерживать небольшой местный бизнес, в то время как менее трети отдали предпочтение поддержке крупных предприятий.

Таким образом, в целом мы можем констатировать, что по результатам телефонного опроса население на Северном Кавказе продолжает доверять государству в части определения стратегических перспектив развития региона⁶, однако видит его роль главным образом в поддержке местного бизнеса, а не в стимулировании прихода на территорию крупных инвесторов, доверия к которым нет.

Мы исходим из того, что отношение населения к тем или иным агентам модернизации создает общий психологический фон поддержки или отчуждения реализуемых моделей, но еще не определяет их успешности. Чрезвычайно важно, как те или иные варианты модернизационных усилий соотносятся с жизненными стратегиями людей, с их представлениями о жизненном успехе. С этой точки зрения высокой информативностью обладают ответы на вопрос, какое занятие предпочтительнее для молодого человека, чтобы добиться успеха в жизни. Из четырех предложенных вариантов (открыть свой бизнес, устроиться работать в крупную компанию, пойти на госслужбу или устроиться работать к родственнику) вариант с открытием собственного бизнеса, как видно из табл. 2, оказался лидером.

⁶ В то же время итоги опроса в части доверия государству во многом контринтуитивны и не подтверждаются данными опроса студентов и результатами качественных исследований. Таким образом, этот вопрос нуждается в дополнительной проверке.

Т а б л и ц а 2

Ответы на вопрос «Чем бы вы посоветовали заняться молодому человеку в первую очередь, чтобы добиться успеха в жизни?» (%)

T a b l e 2

Answers to the Question “What Would You Advise a Young Person to Do in the First Place in Order to Succeed in Life?” (%)

Варианты ответов	Положительные ответы респондентов	
	Дагестан	Кабардино-Балкария
Открыть свой бизнес	40,8	33,9
Устроиться работать в крупную компанию	26,4	30,6
Пойти на госслужбу	17,2	20,2
Устроиться работать к родственнику	4,9	3,8

Примечание. Ответы получены в ходе телефонного опроса, проведенного в 2021 году.

Работа в крупной компании также достаточно привлекательна, и в КБР вполне может конкурировать с предпринимательством, тогда как в Дагестане собственный бизнес как путь к успеху получил существенно бóльшую поддержку. Госслужба и особенно трудоустройство к родственнику оказались гораздо менее популярны. Разрыв между открытием собственного бизнеса, с одной стороны, и работой в крупной компании или госслужбой — с другой наиболее велик у молодых респондентов в обоих исследуемых регионах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Ответы молодых респондентов (18–35 лет) на вопрос «Чем бы вы посоветовали заняться молодому человеку в первую очередь, чтобы добиться успеха в жизни?» (%)

T a b l e 3

Answers of Young Respondents (Aged 18–35) to the Question “What Would You Advise a Young Person to Do in the First Place in Order to Succeed in Life?” (%)

Варианты ответов	Положительные ответы респондентов	
	Дагестан	Кабардино-Балкария
Открыть свой бизнес	50,5	45,2
Устроиться работать в крупную компанию	24,4	26,6
Пойти на госслужбу	10,6	14,4
Устроиться работать к родственнику	6,5	2,7

Примечание. Ответы получены в ходе телефонного опроса, проведенного в 2021 году.

Среди студентов, которым был предложен несколько иной набор жизненных перспектив, вариант «начать свой бизнес» также популярен, занимая второе место после опции «получить качественное образование и высокую квалификацию», которая является явным лидером. Возможно, это связано с тем, что среди опрошенных нами студентов много экономистов (среди тех, кто учится на факультетах, связанных с экономикой и менеджментом,

готовых открыть бизнес оказалось 45%), но даже среди респондентов других специальностей готовых открыть бизнес немало — около 30%. Из опроса следует, что те, кто видит в бизнесе путь к успеху, имеют бóльшую склонность к риску⁷, тем самым можно предположить с их стороны ориентацию на реальное предпринимательское поведение, а не на модель «бизнес как образ жизни».

Результаты исследований, проводившихся на Северном Кавказе ранее, демонстрируют значительные объемы закрытого социального капитала. Так, Илья Стариков, изучавший устройство рынка неквалифицированного труда в Махачкале, отмечает, что на этом рынке представлены прежде всего те, кто потерял контакты с родственниками или чьи родственники также имеют низкий статус. Опора на родственные и дружеские связи даже на подобном рынке дает конкурентные преимущества: «Рабочие больше доверяют своим родным в плане качества, дисциплины и самого факта выполнения взятых на себя обязательств; человек хорошо знает, как его брат, дядя, племянник работают, и уверен, что он не подведет. Обширные и тесные связи с родственниками при условии, что среди них тоже есть те, кто занимается строительством, позволяют рабочему или мастеру получать больше заказов, а значит, больше зарабатывать. Впрочем, число заказов может увеличиваться не только благодаря родственным связям. Чем больше у рабочего друзей среди строителей, чем больше они ему доверяют, тем чаще они будут предлагать ему совместную работу в бригаде» [Стариков, 2015. С.139].

Результаты нашего исследования демонстрируют противоположную картину, причем достаточно консистентно. Так, позицию о том, что не стоит работать с друзьями и родственниками, поддержали более 60% респондентов в телефонном опросе — несколько больше в Кабардино-Балкарии, несколько меньше в Дагестане. Менее 5% опрошенных связывают жизненный успех с работой у родственника. В студенческом опросе при выборе между работой у родственника и в крупной международной компании около 85% выбрали второй вариант. Примерно столько же считают более оправданным уехать в чужой город, где предлагают интересное и высокооплачиваемое рабочее место, даже если родственники и друзья отговаривают от этого решения.

В то же время имеются признаки наличия открытого социального капитала, позволяющего строить предпринимательские сети за пределами ближнего круга. В телефонном опросе респондентам было предложено согласиться или не согласиться с утверждением

⁷ Склонность к риску оценивалась на основе ответа на вопрос о предпочтительности для респондента получать гарантированную заработную плату в 40 тыс. руб. в месяц либо 100 тыс. руб. с вероятностью 40% или 25 тыс. руб. с вероятностью 60%.

«Нельзя брать в бизнес-партнеры человека, которого не знаешь лично, даже если у него хорошая репутация». Доля тех, кто не согласен с этим тезисом, в целом превышает 45%, а среди молодых возрастов достигает 53% в Кабардино-Балкарии и 58% — в Дагестане.

Студенческий опрос позволяет более детально разобраться в том, какие критерии важны для молодежи при выборе партнеров по бизнесу. Как видно из табл. 4, наиболее популярные варианты — способность партнеров привнести в проект новые технологии и деньги, а также рекомендация надежных людей.

Т а б л и ц а 4

Ответы студентов на вопрос о предпочтительных партнерах в бизнес-проекте (%)

T a b l e 4

Answers of Students to the Question About Preferred Business Project Partners (%)

Варианты ответов	Положительные ответы респондентов
Те, кто придет в проект с новыми технологиями	60,7
Те, кого рекомендовали надежные люди	38,3
Те, кто придет в проект с дополнительными деньгами	35,6
Единоверцы	15,6
Родственники	8,8
Односельчане	4,0

Примечание. Ответы получены в ходе телефонного опроса, проведенного в 2021 году, респондентам предлагалось выбрать не более двух ответов.

Как можно объяснить подобные различия? Вполне возможно, что в предыдущем исследовании речь шла о реальной ситуации, наши же опросы в большей мере отражают стремления респондентов, желательные для них модели. Если это так, то в перспективе вероятно более активная эрозия закрытого социального капитала, во всяком случае за пределами круга ближайших родственников, и экономическая политика в регионе должна учитывать подобные тенденции.

В то же время опросы продемонстрировали, что основные проблемы догоняющего развития на Северном Кавказе связаны с факторами, способными негативно влиять как на «модернизацию сверху», так и на «модернизацию снизу», хотя, возможно, на последнюю — в большей степени. Два наиболее серьезных подобных фактора — это дефицит человеческого капитала, а также низкое качество и нестабильность институциональной среды. Возникающие в этих сферах проблемы очевидны из результатов количественных опросов. Они же упоминались как ключевые барьеры на пути развития бизнеса в ходе интервью с дагестанскими предпринимателями.

Дефицит человеческого капитала определяется прежде всего установкой на отъезд из региона у наиболее активной, амбициозной и креативной части молодежи. Жизненный успех связывается с миграцией с Северного Кавказа — более половины респондентов в телефонном опросе поддержали такую позицию. Среди участников опроса студентов лишь четверть высказали намерение остаться в регионе (в Пятигорске — одна пятая), более 60% настроены уехать в другие регионы России или за границу (в особенности будущие медики). Хотя на основе имеющейся информации нет возможности прогнозировать, насколько эти настроения трансформируются в миграционное поведение, само восприятие своего региона как места, из которого стоит уехать, налицо. Однако это еще не полная картина оттока человеческого капитала из СКФО. По словам дагестанских предпринимателей, молодежь, неплохо окончившая школу, стремится получать высшее образование за пределами Северного Кавказа, и те, кого мы опрашивали в вузах СКФО, — оставшиеся после первой волны образовательной миграции.

Что может заставить молодого человека изменить свои планы и остаться на родине? По мнению опрошенных студентов, желание родственников и друзей вряд ли способно в большинстве случаев повлиять на подобное решение. Скорее, здесь могут сыграть роль такие факторы, как наличие высокооплачиваемой работы, комфортных условий жизни и карьерных перспектив. Особая роль высокооплачиваемых рабочих мест подтверждается тем, что среди жизненных проблем студентов больше всего волнует низкий уровень доходов и невозможность получить хорошую работу (в тройке наиболее острых проблем также низкое качество медицинских услуг), а деньги воспринимаются как ключевое условие жизненного успеха. Пока в регионе не созданы соответствующие условия, он остается малопривлекательным для молодежи⁸.

У предпринимателей свой взгляд на источник низкого качества человеческого капитала. Они видят его прежде всего в неправильной мотивации работников. По их мнению, улучшение экономического положения домохозяйств в постсоветский период сопровождалось консервацией родственных сетей, в том числе обеспечивающих финансовую поддержку, и сохранением гиперопеки родителей над детьми, включающей, в частности, стремление профинансировать все крупные затраты (свадьбу, строительство дома). В результате широко распространены иждивенческие настроения, молодые люди предпочитают жить на родительскую ренту, зани-

⁸ В то же время необходимо отметить, что ситуация постепенно, хотя и очень медленно, начинает меняться. Так, в Дагестане в IT-секторе стали появляться рабочие места с официальной месячной зарплатой в 100 тыс. руб. и более.

мать деньги у родственников, но не работать. Доминирует стремление к легкому и быстрому обогащению, свидетельством чего является, например, активное развитие майнинга криптовалюты в Дагестане, о чем нам говорили многие информанты.

Скорее всего, позиции и бизнесменов, и студентов отличаются некоторой односторонностью. Вполне возможно, что молодежь действительно претендует на доходы, не соответствующие ее реальной квалификации. Феномен гиперопеки родителей над входящим в активную жизнь поколением также фиксировался нами в предыдущих исследованиях. В то же время весьма вероятно, что предприниматели не используют современные механизмы управления персоналом, не имея доступа к соответствующим знаниям и воспроизводя существующие стереотипы, что также негативно влияет на мотивацию работников.

Относительно проблем нестабильности и низкого качества институциональной среды проведенные исследования демонстрируют, что результат усилий, направленных на достижение позитивных изменений в данной сфере, неоднозначен.

С одной стороны, действительно практически решена базовая проблема, которая являлась основным барьером для развития региона, — проблема безопасности. Результаты опросов показывают, что эта проблема ушла из общественной повестки, стала маргинальной и продолжает волновать лишь незначительную долю населения (около 5%).

С другой — антикоррупционные усилия, судя по всему, не дали ожидаемого эффекта, а в чем-то даже ухудшили ситуацию. Как видно из результатов телефонного опроса, представленных в табл. 5, до сих пор значительная часть населения считает, что квалифицированному специалисту невозможно устроиться на хорошую работу без связей и взяток. Перспектив открыть бизнес без связей и взяток также немного.

Т а б л и ц а 5

Ответы респондентов на вопросы, характеризующие качество институциональной среды (%)

T a b l e 5

Respondents' Answers to Questions Characterizing the Quality of Institutional Environment (%)

Утверждения	Ответы респондентов			
	Дагестан		Кабардино-Балкария	
	согласны	не согласны	согласны	не согласны
Хорошую работу в регионе можно найти без связей и взяток	23,6	70,6	26,1	67,9
В регионе можно организовать успешный бизнес без связей и взяток	36,2	57,9	33,2	58,7

Примечание. Ответы получены в ходе телефонного опроса, проведенного в 2021 году.

По мнению дагестанских предпринимателей, нестабильность правил игры усиливается в результате наложения традиционно существующих дефектов системы управления — коррупции и персоналистской системы принятия решений⁹ — на стремление руководства республики быстро обеспечить обеление экономики и соблюдение общероссийского законодательства. В этих целях, например, на определенный период было заморожено выделение земельных участков из муниципального фонда. Не имея возможности получить землю официально и стремясь не допустить остановки бизнеса, предприниматели в строительной сфере были вынуждены использовать коррупционные схемы и осуществлять строительство без официальных документов.

Заметим, что отсутствие четких правил игры, судя по всему, выступает еще одним стимулом отъезда для молодежи. В рамках опроса студентов мы интересовались, какую систему предпочитают респонденты: ту, где представители власти согласны идти навстречу нарушителям правил, или ту, где власть жестко следит за соблюдением правил. Последний вариант явно оказался более популярным (его поддержали около 80% опрошенных), причем обнаружилась значимая связь между предпочтением жесткой системы правил и желанием уехать в другой регион или другую страну.

4. Выводы и рекомендации

Итак, какие выводы можно сделать из проведенных исследований? Решение задач догоняющего развития на Северном Кавказе связано с серьезными трудностями, и в мировой экономической мысли или в международном опыте нет безотказных рецептов их преодоления. Тем не менее государство может делать определенные шаги по улучшению ситуации, которые способны дать позитивные результаты хотя бы в среднесрочной перспективе. Если принимаемые меры будут осуществляться в логике «модернизации снизу», у них больший шанс на успех, чем при продолжении действий на основе «модернизации сверху». В прошлой публикации мы уже начинали говорить на эту тему. Сейчас хотелось бы остановиться на ней более подробно.

Во-первых, явно способной дать позитивный эффект мерой государственной политики являются инвестиции в инфраструктурные проекты, способные поддержать растущие сегменты бизнеса, существенно улучшить качество жизненной среды на Северном Кавказе или — в идеале — способствовать решению обеих этих

⁹ Так, договоренность о бизнес-проекте, достигнутая с чиновником, перестает действовать, если на его место приходит другой человек.

задач. Подобная нацеленность государственной политики соответствует ожиданиям бизнеса и населения и способна оказать гораздо более серьезное положительное воздействие, чем распыление средств на поддержку отдельных проектов с сомнительной эффективностью.

Это направление особенно актуально в ситуации, когда в последние годы «модернизация снизу» на Северном Кавказе начинает разворачиваться стихийно в связи с резким увеличением спроса на туристические услуги. Ответом на подобный спрос стал взрывной рост числа мелких фирм и индивидуальных предпринимателей, занимающихся туризмом. Рынок этот пока достаточно хаотичный, но постепенно на нем вырабатываются свои правила игры. Так, в Дагестане, где проводилось исследование туристического сектора, в этой сфере существует значительное разделение труда: организаторы туров взаимодействуют с теми, кто обеспечивает транспорт и проживание туристов. В регионе складывается предпринимательская сеть — есть общий чат, в котором предприниматели обмениваются информацией и могут найти гостиницу или автобус на замену (действующие на территории Дагестана турфирмы из других регионов в этот чат не привлекаются). Бизнес в этой сфере инвестирует в строительство гостевых домов, создание новых маршрутов и креативно подходит к обеспечению разнообразия форматов отдыха в регионе. При этом его представители обращают внимание на недостаточное содействие государства в решении общих вопросов развития туристического сектора, начиная от дорожного строительства и заканчивая обеспечением доступности для туристов санитарно-гигиенической инфраструктуры.

В то же время, как представляется, безусловным приоритетом государственных инфраструктурных инвестиций в Дагестане, способных дать значительный толчок развитию туризма и содействовать повышению качества жизни, является модернизация водно-канализационного хозяйства, связанная со строительством очистных сооружений в городах на берегу Каспийского моря. Их отсутствие выступает критически значимым барьером для развития пляжного туризма в регионе, а также резко снижает экологическую безопасность и качество жизни¹⁰. Первоочередное решение этой задачи могло бы создать благоприятную среду для дальнейшего развития серьезных туристических проектов и в комплексе с другими мерами способствовать удержанию населения в регионе.

¹⁰ Так, в Дагестане в 2021 году случались массовые отравления питьевой водой, связанные со сточными водами. См.: В Махачкале 24 человека госпитализировали с признаками отравления // ТАСС. 2021. 9 марта. <https://tass.ru/proisshestiya/10858501>.

Во-вторых, необходимо предпринимать серьезные усилия для модернизации системы образования в СКФО. Исследование показало, что ключевым звеном здесь является высшее образование — главным образом именно для его получения молодежь покидает территорию региона. Вряд ли можно достичь существенного эффекта на основе укрепления уже существующих образовательных учреждений: их бренд оказался недостаточным для предотвращения отъезда выпускников школ, их образовательная культура не всегда соответствует современным стандартам. Представляется, что единственный способ попытаться решить проблему — формирование новых институций в образовательной системе, имидж которых мог бы привлечь тех, кто в сложившихся условиях настроен на миграцию в другие регионы.

Можно рассматривать различные варианты: стимулирование ведущих российских вузов создавать в СКФО филиалы, базирующиеся на приглашенной профессуре, или «вахтовый университет» (возможно, частный), где на первых порах обучение вели бы приглашенные преподаватели, а затем могли подтягиваться собственные выпускники. Подобные организации, действующие в иной по сравнению со сложившейся институциональной логике, могли бы выполнять важные функции в формировании и удержании человеческого капитала: не только обеспечивать высокий уровень образования, но и создавать вокруг себя креативную среду, где студенты и выпускники могли бы находить возможности самореализации (например, создавая стартапы), а также генерировать высокооплачиваемые рабочие места и возможности карьерного продвижения. Кроме того, такие вузы могут стать источником знаний о современных подходах к управлению персоналом, что также способно смягчить кадровый голод и повысить достигательную мотивацию работников.

Возможно, стоит рассмотреть вариант субсидирования онлайн-образования в рейтинговых российских и зарубежных образовательных учреждениях, особенно если речь идет о магистратуре. Это тоже может способствовать закреплению части молодежи в регионе.

В-третьих, немаловажным фактором успеха является стимулирование развития предпринимательских сетей, как раз и позволяющих в рамках «модернизации снизу» обеспечивать сочетание преимуществ крупного и мелкого производств. На предшествующих этапах исследования казалось, что здесь может быть полезен опыт поддержки индустриальных районов в Италии и Испании, где эффективность их функционирования во многом основывается на закрытом социальном капитале достаточно традицион-

ных сообществ. Однако представленные выше результаты ставят под вопрос возможность репликации подобного опыта: социологические опросы показывают, что закрытый социальный капитал на Северном Кавказе активно размывается. Это подтверждается и тем, что формирующиеся предпринимательские сети в туризме, например, базируются прежде всего на открытом социальном капитале. Так что вряд ли в этой сфере удастся найти готовые рецепты. Инструменты государственной поддержки подобных сетей (если они в принципе необходимы) должны формироваться в диалоге бизнес-сообщества и государственных структур, отвечающих за экономическую политику в СКФО или в отдельных его регионах.

Наконец, в-четвертых, мы не отрицаем целесообразности в определенных условиях поддержки отдельных предпринимательских проектов. Как представляется, подобная поддержка могла бы решать две основные задачи: удержание человеческого капитала и компенсацию несовершенства институциональных регуляторов.

Помощь государства в создании новых бизнесов — это не только инструмент стимулирования экономического развития, но и один из способов предотвратить отъезд тех, кто выбирает для себя перспективную жизненную стратегию. Особенно в условиях, когда, судя по результатам опросов, собственный бизнес рассматривается в качестве пути к жизненному успеху. Такая поддержка может предоставляться как в части высокотехнологичных стартапов, так и применительно к бизнес-проектам в других сферах. Очевидно, что не все подобные начинания будут успешными, и это необходимо закладывать в дизайн программы поддержки. В то же время те предприниматели, кто преодолел трудности начального этапа и создаст предпосылки для роста бизнеса, могут в перспективе внести свой вклад в догоняющее развитие.

В то же время для успеха «модернизации снизу» чрезвычайно важны благоприятные условия для развития растущего среднего бизнеса, способного запускать и реализовывать значимые предпринимательские проекты. Между тем наше исследование еще раз продемонстрировало, что нестабильность и низкое качество институциональной среды создают для этого серьезные барьеры. И вряд ли можно надеяться, что эту проблему удастся решить радикально и быстро, хотя, безусловно, подобные усилия необходимо продолжать — здесь явно наблюдается «эффект колеи» [Аузан, 2015] и проявляются особенности порядка ограниченного доступа [North, 1989].

Возможный в таких условиях паллиатив, который хоть как-то может смягчить имеющиеся проблемы, — компенсация предпринимателям несовершенства институциональной среды, на преодоление которого им приходится тратить собственные ресурсы. Здесь фактически предлагается тот же подход, который был заложен в Стратегии развития СКФО. Если государство не способно эффективно улучшать инвестиционный климат, но при этом ставит амбициозные задачи догоняющего развития, необходимо формировать у предпринимателей дополнительные стимулы, в том числе финансовые. Однако в стратегии речь шла только о крупных инвесторах, мы же предлагаем сделать подобные программы поддержки доступными для среднего бизнеса, готового реализовывать инвестиционные проекты.

При выборе мер поддержки важно ориентироваться на те, что оказывают минимальное деформирующее воздействие на рыночные механизмы. Наиболее нейтральным инструментом с этой точки зрения представляется субсидирование процентной ставки по кредитам. Подобные программы уже достаточно долго реализуются Министерством экономического развития РФ. Однако на Северном Кавказе, особенно в его восточной части, они не получили особого распространения. Судя по всему, причиной является плохая «кредитная история» соответствующих регионов и сохраняющаяся там высокая задолженность по кредитам. При этом необходимо учитывать, что, например, массовый невозврат кредитов Россельхозбанка происходил в условиях, когда их выдача сопровождалась масштабной коррупцией (информанты упоминали «откат» в 20–25% и более от суммы кредита), практически не оставлявшей инвесторам ресурсов на возврат. Сейчас было бы целесообразно еще раз вернуться к рассмотрению возможности расширения подобных форм поддержки бизнеса, заново оценив их выгоды и издержки, а также разработав меры по снижению рисков. Актуальность соответствующих инструментов подтверждается и тем, что на региональном уровне (в частности, в Дагестане) стали принимать собственные программы субсидирования процентной ставки¹¹.

Аналогичная логика компенсаций применима и к проблемам легализации теневого бизнеса. По словам руководителя одного из региональных институтов развития, опрошенного в ходе полевого исследования, необходимо «выкупать» предпринимателей из тени, предоставляя им средства на покрытие сопутствующих этому расходов.

¹¹ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202111080006>.

Литература

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
2. Бобровников В. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002.
3. Зубаревич Н. «Лукавые цифры» на карте Родины // ЭКО. 2012. № 4. С. 74–85.
4. Казенин К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма // Экономическая политика. 2014. Т. 9. № 3. С. 178–198.
5. Стариков И. Г. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 153–164.
6. Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 112–137.
7. Ясин Е. Модернизация российской экономики: что в повестке дня // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 2. С. 157–178.
8. Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. 2004. Т. 7. С. 4–34.
9. Ahmed H., Miller S. M. Crowding-Out and Crowding-In Effects of the Components of Government Expenditure // Contemporary Economic Policy. 2000. Vol. 18. No 1. P. 124–133.
10. Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
11. Barca F. New Trends and the Policy Shift in the Italian Mezzogiorno // Daedalus. 2001. Vol. 130. No 2. P. 93–113.
12. Boschma R. Culture of “Trust” and Regional Development: An Empirical Analysis of Third Italy. 1999. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/114191/1/ERSA1999_a009.pdf.
13. Dominicus L. de, Florax R. J. G. M., Groot H. L. F. de. Regional Clusters of Innovative Activity in Europe: Are Social Capital and Geographical Proximity Key Determinants? // Applied Economics. 2013. Vol. 45. No 17. P. 2325–2335.
14. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization // Grenzenlose Gesellschaft? / C. Honegger, S. Hradil, F. Traxler (eds.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1999. P. 37–50.
15. Etzkowitz H., Brisolla S. N. Failure and Success: The Fate of Industrial Policy in Latin America and South East Asia // Research Policy. 1999. Vol. 28. No 4. P. 337–350.
16. Gaonkar D. P. Alternative Modernities. Durham, NC: Duke University Press, 2001.
17. Hodler R. Rent Seeking and Aid Effectiveness // International Tax and Public Finance. 2007. Vol. 14. No 5. P. 525–541.
18. Lin J. Y. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. Washington, DC: The World Bank, 2012.
19. Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. No 1. P. 3–42.
20. Maio M. D. Industrial Policies in Developing Countries: History and Perspectives // Industrial Policy and Development: The Political Economy of Capabilities Accumulation / M. Cimoli, G. Dosi, J. E. Stiglitz (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 107–143.
21. Ménard C. The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. Vol. 160. No 3. P. 345–376.
22. Morisset J., Lumenga-Neso O. Administrative Barriers to Foreign Investment in Developing Countries. 2002. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=636197.
23. North D. C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. Vol. 17. No 9. P. 1319–1332.
24. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

References

1. Auзан A. A. "Effekt kolei". Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushchego razvitiya - evolyutsiya gipotez [Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economics]*, 2015, no. 1, pp. 3-17. (In Russ.)
2. Bobrovnikov V. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyчай, pravo, nasilie [Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence]*. Moscow, Vostochnaya literatura, 2002. (In Russ.)
3. Zubarevich N. "Lukavye tsifry" na karte Rodiny ["Crafty Figures" on the Map of the Motherland]. *EKO [ECO]*, 2012, no. 4, pp. 74-85. (In Russ.)
4. Kazenin K. Perspektivy institutsional'nogo podkhoda k yavleniyu poliuridizma (na primere Severnogo Kavkaza) [Prospects of the Institutional Approach to Legal Pluralism: The Case of North Caucasus]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2014, vol. 9, no. 3, pp. 178-198. (In Russ.)
5. Starikov I. G. Sotsial'nyy kapital i sotsial'naya mobil'nost' v Makhachkale, ili Chto delat', esli u tebya net vliyatel'nykh rodstvennikov? [Social Capital and Social Mobility in Makhachkala: What to Do if You Do Not Have Influential Relatives?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, 2015, no. 4, pp. 153-164. (In Russ.)
6. Starodubrovskaya I., Kazenin K., Sitkevich D. Severnyy Kavkaz: vybor strategicheskikh orientirov [Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 112-137. DOI:10.18288/1994-5124-2021-3-112-137. (In Russ.)
7. Yasin E. Modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: chto v povestke dnya [Modernization of the Russian Economy: Problems on the Agenda]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 2001, vol. 5, no. 2, pp. 157-178. (In Russ.)
8. Yasin E., Yakovlev A. Konkurentosposobnost' i modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki [Competitive Capacity and Modernization of the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 7, pp. 4-34. DOI:10.32609/0042-8736-2004-7-4-34. (In Russ.)
9. Ahmed H., Miller S. M. Crowding-Out and Crowding-In Effects of the Components of Government Expenditure. *Contemporary Economic Policy*, 2000, vol. 18, no. 1, pp. 124-133. DOI:10.1111/j.1465-7287.2000.tb00011.x.
10. Allen R. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2003.
11. Barca F. New Trends and the Policy Shift in the Italian Mezzogiorno. *Daedalus*, 2001, vol. 130, no. 2, pp. 93-113.
12. Boschma R. *Culture of "Trust" and Regional Development: An Empirical Analysis of Third Italy*, 1999. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/114191/1/ERSA1999_a009.pdf.
13. Dominicus L. de, Florax R. J. G. M., Groot H. L. F. de. Regional Clusters of Innovative Activity in Europe: Are Social Capital and Geographical Proximity Key Determinants? *Applied Economics*, 2013, vol. 45, no. 17, pp. 2325-2335. DOI:10.1080/00036846.2012.663474.
14. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization. In: Honegger C., Hradil S., Traxler F. (eds.). *Grenzenlose Gesellschaft? Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften*, 1999, pp. 37-50.
15. Etzkowitz H., Brisolla S. N. Failure and Success: The Fate of Industrial Policy in Latin America and South East Asia. *Research Policy*, 1999, vol. 28, no. 4, pp. 337-350.
16. Gaonkar D. P. *Alternative Modernities*. Durham, NC, Duke University Press, 2001.
17. Hodler R. Rent Seeking and Aid Effectiveness. *International Tax and Public Finance*, 2007, vol. 14, no. 5, pp. 525-541. DOI:10.1007/s10797-006-9006-8.
18. Lin J. Y. *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington, DC, The World Bank, 2012.
19. Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 22, no. 1, pp. 3-42. DOI:10.1016/0304-3932(88)90168-7.

20. Maio M. D. Industrial Policies in Developing Countries: History and Perspectives. In: Cimoli M., Dosi G., Stiglitz J. E. (eds.). *Industrial Policy and Development: The Political Economy of Capabilities Accumulation*, Oxford, Oxford University Press, 2009, pp. 107-143.
21. Ménard C. The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2004, vol. 160, no. 3, pp. 345-376.
22. Morisset J., Lumenga-Neso O. *Administrative Barriers to Foreign Investment in Developing Countries*, 2002. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=636197/
23. North D. C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319-1332.
24. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. *Making Democracy Work*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1994.